

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 19.

18 МАЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. |
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базупова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Киппера, кв. № 33.

Въ 19-му № прилагаются: Романсъ изъ оперы: «Юанна ди Гусманъ», соч. Верди и «Въ минуту жизни трудную», пѣсня Фитингофа.

Содержаніе: Извѣстія изъ Вильны. — Критическія замѣтки (В. Стоюнина). — Нашъ Глинка передъ судомъ пѣмечкахъ фельетонистовъ (А. Сѣрова). — Новозданныя музыкальныя сочиненія (А. Сѣрова). — Раскачаніе Дюпъ Жуана. — Иностранный вѣстникъ. — Музыкальныя извѣстія.

Мы получили извѣстіе изъ Вильны, что сотрудникъ нашъ Антонъ Контскій далъ 3 мая, вмѣстѣ съ г. Монтинымъ концертъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Многочисленная и избранная публика наполнила залъ Клуба и принимала артистовъ съ неописаннымъ восторгомъ, который увеличивался послѣ каждой піесы, исполненной г. Контскимъ, — букеты и цвѣты летѣли со всѣхъ сторонъ къ ногамъ его и восторженные крики долго не умолкали. Игра г. Монтинымъ произвела тоже большое впечатлѣніе на слушателей. Г. Контскій исполнилъ: Сонату—Вебера, фантазію на мотивы «Травіаты», новую мазурку, большой концертный вальсъ и нѣсколько другихъ піесъ. Г. Монтинымъ фантазію на мотивы Лучи, Элегію, прелюдію Баха и «Siloie». Второй ихъ концертъ назначенъ былъ 10 мая, въ театрѣ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Комедія г. Львова «Не мѣсто красить человѣка, — человѣкъ мѣсто» (*). (Предубѣжденіе).

Полагая, что читателямъ Т. и М. Вѣстника уже извѣстно содержаніе новой комедіи г. Львова (**), мы не будемъ здѣсь повторять его, а прямо обратимся къ основной мыс-

ли и ея развитію. Какъ графъ Соллогубъ въ комедіи «Чинчовинкѣ» проводитъ мысль, что всѣ богатые люди должны стараться занимать чиновничьи мѣста, чтобы искоренить взятки на службѣ, такъ г. Львовъ указываетъ на образованныхъ людей, которые не должны гнущаться низшими мѣстами для общественной пользы. Мысль конечно прекрасная, и никто не будетъ спорить, что отъ образованныхъ людей можно ожидать много пользы на низшихъ служебныхъ мѣстахъ. По этому нисколько не удивительно, что юноша Фроловъ, герой комедіи, увлекся этою мыслию и свое самолюбіе принесъ въ жертву общественной пользѣ — поступокъ благородный, за который авторъ и награждаетъ героя какъ слѣдуетъ; получить руку любимой особы, потерявъ на то всякую надежду — награда завидная, такъ награждались только средневѣковые рыцари. Впрочемъ давъ волю фантазіи, мы могли бы сдѣлать еще болѣе. За его самоотверженіе и безкорыстіе мы бы обратили на него вниманіе начальства ближайшаго и потомъ отдаленнаго, возвысили-бы его, если бы онъ только не захотѣлъ отказаться отъ почестей, наконецъ, куда ни шло, не дождавшись его кончины, поставили бы ему памятникъ. Кто рѣшится утверждать, что такой человѣкъ, какъ первый показавшій собою примѣръ, не достоинъ награды? Но крайней мѣрѣ мы благоговѣемъ передъ нимъ! Но радуясь за счастье юнаго Фролова, мы ни какъ не можемъ оторвать своей фантазіи отъ дѣйствительности, никакъ не можемъ вырвать изъ своего воображенія другую картину, которая у насъ быстро нарисовалась, какъ и сами не знаемъ, и въ которую какъ-то закралось начало трагическое. Намъ представляется тотъ же юноша Фроловъ съ тѣми же убѣжденіями, съ тѣми же стремленіями, тѣмъ же ставовымъ приставомъ. Но люди, отъ которыхъ много зависитъ его мѣсто и отчасти его судьба, не совсѣмъ привѣтливо смотрятъ на него: они далеко не такъ образованы какъ онъ, ихъ понятія совершенно противоположны его убѣжденіямъ, ихъ опытности, умѣнье жить и устроить свои дѣлишки много превышаютъ его неопытную горячность, ихъ общественное положеніе выше его собственнаго, слѣдственно они и сильнѣе его. И вотъ онъ-то представи-

(*) Отечеств. Записки № 5.

(**) См. № 18 Т. и М. Вѣстника Александр. Театръ.

ли себя, что онъ вредитъ имъ, назвала его непризваннымъ преобразователемъ и даже заподозрили въ либерализмъ. Отсюда начинается страшная борьба несчастнаго юноши, какаа борьба, можете себя представить сами. Не говоримъ о сотнѣ непріятностей, которыя нарочно для него придумываются, не говоримъ о томъ, какъ въ его глазахъ возвышаются и награждаются люди самой сомнительной правдивости и даже дѣлаются его начальниками, а онъ... Все это онъ переноситъ во имя своихъ убѣжденій, во имя того блага, которое онъ приноситъ своимъ подвластнымъ. Но какой же ему исходъ изъ этой борьбы, и кто скорѣе утомится? Положимъ даже, что онъ уцѣлѣетъ на своемъ мѣстѣ, что не замараютъ его формулярной чести, что онъ не останется безъ куска хлѣба; положимъ, что онъ и не занѣтъ съ горя, какъ это дѣлаегъ у насъ слабое большинство; но какое же сердце можетъ долго выносить безпрестанные приливы бессильной и вѣсегь справедливой злобы, когда несчастный, грубо обиженный и униженный, въ порывѣ отчаянія, то готовъ рвать на себя волосы, то рыдать самыми ѣдкими слезами? есть оскорбленія, которыя нельзя переносить хладнокровно, а такіа минуты ядовиты и разрушительны; вотъ и конецъ борьбы! Захачъ юноша, и прощай образованный человекъ; прощайте образованные люди, если найдутся ему подражатели! Да, тутъ ужъ не комедія, а трагедія, и нисколько не пахнетъ той наградой, которую получилъ Фроловъ, впрочемъ заслуженнымъ образомъ... Не будемъ подробно разбирать, что тутъ ближе къ дѣйствительности, но коснувшись ея замѣтимъ только, что образованность нужна на всѣхъ степеняхъ государственной службы, и тѣмъ больше, чѣмъ степень выше. Приглашать образованныхъ людей занимать низшія мѣста, когда другія, пожалуй, ближайшія, отъ которыхъ тѣ зависятъ, находятся въ подчиненномъ къ нимъ отношеніи, далеко не всѣ заняты людьми образованными, мы не знаемъ, полезно ли, даже благоразумно ли это: образованный чиновникъ нуждается и въ начальникѣ образованномъ, иначе не будетъ большой ожидаемой пользы... Что если мѣста становыхъ приставовъ будутъ заняты университетскими людьми съ искреннимъ убѣжденіемъ дѣлать добро и приносить пользу, а имъ на шею съ помощью разныхъ протекцій, рекомендацій и можетъ быть, другихъ болѣе вещественныхъ документовъ, насыдутъ проиходи съ одною развлаго срастью къ своимъ личнымъ интересамъ? Кажется, не нужно и отвѣчать на этотъ вопросъ.

Низшія мѣста современемъ займуга образованными людьми безъ всякихъ самопожертвованій, когда займуга ими другія, болѣе высія; но чтобы изъ всего этого произошла дѣйствительная польза, нужно, чтобы самый идеалъ образованнаго человека представлялся не такимъ, какимъ представляется теперь въ большинствѣ. Сколько мы видимъ людей, которыхъ называютъ образованными, людей, дѣйствительно знающихъ многое, благодаря своей памяти, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ, ловкихъ въ обществѣ, но загляните имъ поглубже въ сердце, вы съ омерзениемъ закроете глаза—тутъ и чудовищный эгоизмъ, и отвратительная безправственность. Мало будетъ пользы если такими обра-

зованными людьми будутъ заниматься мѣста. Чтобы приготовить достаточно людей истинно образованныхъ, способныхъ на всѣхъ мѣстахъ безкорыстно для общей пользы служить отечеству, необходимо, чтобы въ обществѣ и въ семействахъ, распространился здравый взглядъ на образованіе. Тутъ примѣрами самоотверженія ничего не сдѣлаете, этою мыслию могъ увлечься только юноша Фроловъ, а мы должны винкать въ дѣло съ большей зрѣлостью. Дѣйствительность беретъ свое. Изъ огромной толпы, окружившей пылающій со всѣхъ сторонъ домъ, не всегда выщегся и одинъ смѣльчакъ чтобы броситься въ огонь и спасти оттуда погибающаго. Толпа будетъ ему удивляться, съ заганеннымъ дыханіемъ будетъ ожидать его возвращенія, пожалуй будетъ рукоплескать ему, если онъ возвратится изъ пламени, но увлечется ли она его примѣромъ? нѣтъ, она продолжаетъ стоять и смотрѣть... Значитъ, нужно не о примѣрахъ хлопотать намъ, а о томъ, чтобы распространялись здравыя понятія, уваженіе личности, любовь къ правдѣ, пониманіе гражданской чести и человеческого достоинства; нужно чтобы подъ такимъ вліяніемъ воспитался человекъ въ семьѣ и въ обществѣ. Вотъ какъ далеко заходитъ этотъ вопросъ. Тогда не потребуетъ ни отъ кого никакого геройства, на которое возможно неслѣдуетъ разсчитывать ни въ одномъ государствѣ. Тогда никому не придется и въ голову требовать, чтобы низшія мѣста занимали люди съ университетскимъ образованіемъ. Университеты не могутъ готовить людей на всѣ чиновничьи мѣста; такихъ людей едва достаегъ и на мѣста болѣе значительныя. Качества хорошаго чиновника составляютъ не высія спеціальныя свѣдѣнія въ которыхъ нѣтъ нужды напр. становому приставу. Дождемся ли мы когда всего этого, не знаю; но другаго пути нѣтъ, а потому будемъ стараться и указывать на него и по возможности освѣщать его...

Такимъ образомъ г. Львовъ увлекся вѣсегь со своимъ юнымъ героемъ и не винкъ поглубже въ то положеніе, въ которое поставилъ себя восторженный юноша; въ противномъ случаѣ ему пришлось бы иначе рѣшить вопросъ. Но посмотримъ поближе, прямо ли за своесамоотверженіе, за благородства своихъ убѣжденій и подвиговъ награждать Фроловъ. Наденька полюбила его прежде, чѣмъ онъ вступилъ въ полицейскую службу, когда онъ еще носилъ черный фракъ. Конечно нѣтъ ничего удивительнаго, что она, снова съ нимъ встрѣтившись, не замѣтила переменъ его одежды: любовь слѣпа; молодая дѣвушка обрадовалась любимому человеку, а зная его умъ и образованіе, не отшатнулась отъ него, хоть онъ и оказался становымъ приставомъ. Но полюбила ли бы она его, не зная прежде, встрѣтившись съ нимъ въ первый разъ какъ со становымъ; даже замѣтила ли бы она его умъ, его образованіе подъ вліяніемъ своей среды и тѣхъ понятій, которыми была пронитана атмосфера, ее окружавшая. На эти то вопросы мы не рѣшаемся отвѣчать и крѣпко сомнѣваемся, чтобы они могли рѣшиться въ пользу Фролова. Но положимъ, что молодая дѣвушка могла и не обратить вниманія на должность молодого человека и въ самомъ дѣлѣ увлеклась его наружностью, умомъ, образованіемъ и пр.; все же у насъ остается еще одинъ очень важный вопросъ: согласился ли бы генералъ выдать дочь за становаго, если бы не

оказалось, что этот становой—сынъ его искренняго друга? Безъ этихъ обстоятельствъ автору самому, по видимому, казалось невозможнымъ рѣшить свою задачу въ пользу своего героя, чтобы дѣйствіе не показалось слишкомъ неправдоподобнымъ: иначе онъ постарался бы избѣжать такихъ случайностей. А нельзя не признаться, что онъ много вредитъ правдивому достоинству всей пьесы; задача вопреки автору перѣшена окончательно: награжденъ не прямо становой, по Фроловъ, сынъ покойнаго друга генерала, а становой остался какъ-то въ тѣни... Значитъ, и авторъ долженъ былъ заѣсть слѣдъ натяжку, поставивъ своего героя въ неестественное положеніе и самъ отвернувшись отъ дѣйствительности.

Посмотримъ на того же Фролова съ другой точки. Кончивъ курсъ въ университетѣ, съ благородными стремленіями, со свѣжими силами юноша поступаетъ въ канцелярію губернатора канцелярскимъ чиновникомъ. Онъ жаждетъ дѣятельности: его пылкое воображеніе не можетъ вмѣстѣ своихъ картинъ въ эти узкія рамы; его духъ не можетъ успокоиться на этихъ однообразныхъ форменныхъ занятіяхъ канцеляріи, короче, онъ впалъ въ разладъ съ дѣйствительностью. Ему говорятъ, что это только первая ступень къ будущему возвышенію, ступень, которую необходимо пройти, чтобы потомъ имѣть болѣе широкую сферу; ему прибавляютъ, что не оставяя этого пути, со своимъ умомъ, образованіемъ и стремленіями онъ можетъ составить себѣ карьеру; но онъ не можетъ сладить со своимъ пастошамъ, его натура требуетъ дѣятельности, которая-бы заняла все его силы; безъ нея душа его томится, онъ не доволенъ ни собою, ни всею окружающимъ. И вотъ вдругъ ему приходитъ мысль о мѣстѣ становаго пристава. Воображеніе тотчасъ рисуетъ широкую картину дѣятельности: подъ его надзоромъ нѣсколько тысячъ народа, сколько добра можно сдѣлать имъ, сколько пользы принести отечеству! Съ любовью и правдою въ сердцѣ, сблизится съ этимъ народомъ, изучить его бытъ, нужды! Какія богатые свѣдѣнія и какой драгоценный запасъ для новой дѣятельности! А у насъ еще такъ мало знаютъ народъ, и потому такъ часто ошибочно судятъ о немъ! Въ одинъ мигъ все лучшія стороны представившейся службы нарисовались передъ юношею, не знакомымъ съ людьми, а худшія умъ постарался прикрыть своими свѣтлыми убѣжденіями. И вотъ черезъ нѣсколько времени Фроловъ—становой приставъ... Конечно съ полною добросовѣстностью, ревностно, съ жаромъ бросился онъ въ эту новую сферу дѣятельности, по которой такъ безпокойно пыла душа его. Но тутъ-то каждый шагъ начинаетъ убѣждать его, что онъ—человѣкъ маленькій, что онъ долженъ угождать другимъ, а съ этимъ угожденіемъ не всегда сходятся правда и общественная польза. Онъ хотѣлъ приносить только эту пользу, а рядомъ съ нею, но не отъ его лица идетъ часто и вредъ. Разумѣется онъ не можетъ уступить ему; онъ долженъ вступить въ борьбу... и вотъ опять трагическое положеніе! да и хорошо еще если можно вести долгую борьбу, а если она будетъ похожа на третій бой Рустема съ Зорабомъ... Но положимъ, что у Фролова столько силъ и рѣшимости, что онъ

не дошелъ до разочарованія и отчаянія, положимъ, что отбѣпивъ его высокія убѣжденія, генералъ соглашается отдать ему руку своей дочери, какъ это и представлено у г. Львова. Затрудненіе въ одномъ: зятю генерала Славомірскаго неприлично быть становымъ приставомъ! Генералъ предлагаетъ ему перемѣнить это мѣсто на другое. По видимому, Фролову прежде всего слѣдовало-бы спросить: какое-же это другое мѣсто? Можетъ быть, занявъ его какъ мѣсто высшее, онъ можетъ приносить отечеству еще большую пользу, что очень естественно: съ высшимъ мѣстомъ должна разшириться и сфера дѣятельности; имѣя подчиненныхъ, онъ можетъ и на нихъ дѣйствовать своими убѣжденіями, побуждать ихъ къ дѣятельности и направлять ее къ доброй цѣли. Не справившись ни о чемъ этомъ, Фроловъ дѣлаетъ рѣшительный отказъ во имя своихъ убѣжденій, и намъ дѣлается совершенно непонятно, отчего-же могли-бы пострадать его убѣжденія съ перемѣною низшаго мѣста на высшее. Приносить пользу только въ званіи становаго! тутъ ужъ выказывается какой-то узкій взглядъ. И изъ за него отказываться отъ счастья, которое никакъ-бы не могло помѣшать прекраснымъ стремленіямъ служить отечеству честью и правдой! Или можетъ быть Фроловъ видѣлъ, что только въ должности становаго пристава можно близко познакомиться съ народомъ... Къ чему-же опять такая исключительность во взглядѣ?

Мы нарочно остановились такъ долго на личности Фролова, потому что на ней построена вся комедія, и должны признаться, что она далеко не удовлетворяетъ насъ ни развитіемъ идеи, ни отраженіемъ дѣйствительности; отъ этого страдаетъ въ ней и художественный интересъ. Что-же касается до прочихъ лицъ, то особенное вниманіе обращаетъ на себя лицо генерала Славомірскаго. Это живое лицо, взятое изъ дѣйствительности, и рѣзко представляетъ соединеніе тѣхъ противоположностей, которыя съ перваго взгляда не соединимы, и которыя между тѣмъ такъ часто соединяются въ нашемъ обществѣ... Вы видите человѣка честнаго, горячаго къ правдѣ: въ минуту раздраженія онъ готовъ произнести всевозможныя проклятія на людей, торгующихъ совѣстью; порядкомъ съ этимъ вы находите и самыя извращенныя понятія, какъ будто-бы умъ у него въ разладъ съ сердцемъ. Подобное встрѣчается часто у людей не получившихъ прочнаго и разумаго образованія. Они сознаютъ и честность и правду, но въ тоже время эти идеи не освѣщаютъ ихъ разума такъ, чтобы ихъ поступки не противорѣчили имъ самимъ... Они живутъ болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ. Сейчасъ они толкуютъ о правдѣ и строгой честности, и сейчасъ-же сжалившись надъ какимъ нибудь существомъ, которое прикинулся несчастнымъ, они готовы сдѣлать неправду, не замѣчая того сами. Въ такомъ-же явномъ противорѣчій является и Славомірскій. Сколько негодованій высказалъ онъ за неправоудіе, и вдругъ рѣшается просить становаго за вдову Душкину, послабленіе которой уже рѣшительно беззаконно. Да онъ-же и не доволенъ, получивъ отказъ, недоволенъ тѣмъ, что не уважена его генеральская просьба... Какая вѣрная сцена изъ русскихъ правовъ!.. А вотъ еще другая съ такимъ-же про-

творѣніемъ. Вступаясь за честность и благородство, онъ по видимому уважаетъ человѣческое достоинство и вдругъ выходитъ изъ себя, увидѣвъ, что становой занялъ подлѣ него кресло. Тутъ кровь разыгравшись ударила въ сердце и затмила разсудокъ... Онъ же впускаетъ дочери прекрасную и благородную мысль о святости любви, и когда она дѣйствительно полюбила достойнаго человѣка, онъ опять ставитъ себя въ противорѣчіе съ самимъ собою: она не должна любить станового пристава...

Такимъ образомъ всѣ законченныя прадѣловскія понятія постоянно сталкиваются съ лучшими сердечными движеніями и въ свою очередь извращаютъ ихъ. Только одно правильное и разумное образованіе можетъ очистить общество отъ такихъ людей, которыхъ у насъ не мало, и которые иногда безсознательно дѣлаютъ довольно зла... Они слынутъ за добрыхъ; но доброта ихъ, вытекающая дѣйствительно изъ добраго сердца, не умѣетъ сообразоваться съ общественной пользой—выходитъ добро изъ некоторымъ личностямъ и вредъ общему дѣлу... Чегоже государственной службѣ и отечеству изъ такой доброты близорукихъ людей?.. Повторимъ еще разъ, что лицо генерала Славомірскаго соображено вѣрно и обработано искусно...

Кустодіевская можетъ быть предметомъ особой комедіи; такихъ женщинъ съ претензіями на аристократизмъ и съ самою утонченной безпринципностью много въ русской дѣйствительности... Въ комедіи г. Львова ей не было достаточной арены показать себя въ ясномъ свѣтѣ, потому ея характеристика вышла не совсемъ полною. Тоже самое скажемъ и о Голумбицкомъ: лицо его недорисовано. Шалаевъ, племянникъ генерала, какъ мы уже сказали прежде, нуженъ былъ автору только для развязки комедіи, и потому автору не пришлось надъ нимъ много трудиться; а въ лицѣ этомъ есть свои комическія данныя, которые также принадлежатъ нашей дѣйствительности и которые заслуживаютъ политическаго развитія... Лицо Душкиной, простой и глупой старухи, очерчено очень удачно...

Въ заключеніе скажемъ, что комедія г. Львова съ литературной точки обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми частностями, но въ цѣломъ, какъ мы видѣли, не можетъ удовлетворить критику. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ повторить, что на сценѣ, какъ театральная пѣса, она выходитъ далеко изъ разряда дюжинныхъ. Она хороша уже тѣмъ, что заставляетъ задумываться надъ близкими намъ вопросами, и напоминаетъ зрителю, что онъ вмѣстѣ и гражданинъ. Пора намъ возвышать свой духъ этимъ прекраснымъ чувствомъ гражданства

В. СТОЮНИНЪ.

НАШЪ ГЛИНКА

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ НѢМЕЦКАХЪ ФЕЛЬЕТОНИСТОВЪ.

Въ столбцахъ этого журнала много и много разъ была выражена мысль: «какъ долго надобно ждать сколько-нибудь-справедливыхъ приговоровъ надъ художественными произведеніями, запечатлѣнными гениальностью!»

Если произведенія, кромѣ силы гениа, — силы космополитной, по преимуществу, — проникнуты еще свойствами совершенно-особыми, въ связи съ данною національностью — красоты такихъ произведеній еще менѣе-доступны для публики чужой, и иногда, по разнымъ предразсудкамъ, не расположенной къ художнику.

Мы довольно-часто упоминали, что и въ Россіи еще слишкомъ — слишкомъ мало отдають справедливости созданіямъ великаго отечественнаго музыканта. И это — естественно: созданія его глубоко-національны, но слишкомъ-высоко стоятъ въ искусствѣ, чтобы сдѣлаться «популярными» — а просвѣщенные цѣнители и судьи музыкальнаго дѣла довольно-рѣдки *вездѣ*, тѣмъ болѣе должны являться феноменальнымъ исключеніемъ — у насъ.

Въ Германіи, вообще говоря, музыкальный вкусъ образованнѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ, но и Пѣмцы въ оцѣнкѣ истинной гениальности подвигаются медленно, не скоро освобождаются отъ взглядовъ рутинныхъ, пристрастныхъ.

То, что ближе подходитъ къ формамъ любимыхъ Пѣмцами авторовъ послѣдняго времени, напр. Мендельсона, и само по себѣ лишено высшей художественной печати, скоро пріобрѣтаетъ въ Германіи и извѣстность и симпатію, напримеръ, сочиненія нашего же соотечественника, но совершенно *пѣмцакаго* композитора и слабаго подражателя Мендельсону — А. Рубинштейна.

То, что богато формами для Германцевъ новыми, непривычными, что въ высокой степени *оригинально*, въ мысли и въ выполненіи, непременно вызоветъ толки болѣе или менѣе *кривые*, а симпатіи еще долго не дожидется.

Но — всему есть мѣра! Какъ замѣчательный примѣръ невѣроятныхъ *кривотолковъ*, даже необъяснимыхъ иначе, какъ *умышленною*, «подкупленною» *несправедливостью*, помѣстимъ здѣсь переводъ одной статьи изъ Лейпцигскаго музыкальнаго Журнала «*Signale für die Musikalische Welt*» (№ 23-й), по случаю четырехъ оркестровыхъ партитуръ Глинки, изданныхъ за *границею* живленіемъ сестры композитора, Людмилы Ивановны Шестаковой.

Вотъ какъ гласятъ почтенные «Сигналы»: «Глинка былъ хваленый (*gefeierter* — ?!) русскій композиторъ, который за недолго назадъ умеръ, оставивъ нѣсколько сочиненій, изданныхъ теперь его сестрою.

«Передъ нами теперь эти партитуры, въ которыхъ не заключается ни *малѣйшаго следа русско-національнаго характера*; эти произведенія можно прямо приписать — Оберу или Галеву, до такой степени эта музыка чисто-французская (*so ganz französisch sind sie durchweg*). Но извѣстное дѣло, что все французское (*das französische Wesen*) очень *симпатично* (?) русскимъ и совершенно пошло у нихъ въ такъ называемое высшее общество, дающее тонъ (*Tonangebende Gesellschaft*) — «Французскій» характеръ въ сочиненіяхъ Глинки, слѣдуетъ признать явленіемъ очень-естественнымъ и въ этомъ слѣдуетъ даже отдать композитору нѣкоторую справедливость, *отрицая въ немъ всякое, болѣе-глубокое значеніе*: Глинкѣ *недостаетъ самообытности въ творческомъ духѣ* (*es fehlt ihm an ursprünglicher Geistesnatur*), онъ *композиторъ*

для такого общества, *гдѣ на первомъ планѣ — условность приличія (wo die Convention Gebieterin ist.)*»

«Принимая Глинкѣ въ такой сферѣ очень пріятный *«talent de société»* (eine liebenswürdige Gesellschaftsnatur) и называя его чрезвычайно-знающимъ, опытнымъ и умнымъ композиторомъ, мы полагаемъ, что даемъ *вѣрную* общую характеристику.»

«Партитуры изданныя въ Германіи слѣдующія:

Увертюра къ волшебной оперѣ: «Русалка и Людмила» Капричо (Capriccio brillante) въ видѣ увертюры на мотивъ Аррагонской Хоты; увертюра къ оперѣ: «Жизнь за Царя» — и фантазія на испанскія темы «Souvenirs d'une nuit d'été à Madrid».

«Всѣ четыре произведенія отличаются *гладкостью формы (?) легкостью, пріятностью (?) фантазіи съ безною оригинальных и прелестныхъ проблесковъ, въ особенности же тщательною, эффектною, иногда — отлично придуманною (zusammengestellte) инструментовкою.*»

«Во всѣхъ произведеніяхъ, если онѣ будутъ недурно исполнены нельзя, не признать особый, тонкій родъ *салонно-оркестровой музыки (orchester-salonmusik—?)*. О двухъ оперныхъ увертюрахъ *нельзя* сказать *ничего больше (?)* какъ что онѣ отличаются пикантными модуляциями, — вообще же выдержаны въ обыкновенномъ *французско-граціозномъ* характерѣ; зато двѣ испанскія фантазіи вызываютъ болѣе внимательное разсмотрѣніе... (Слѣдуютъ похвалы нѣкоторымъ подробностямъ «хоты», а затѣмъ г. рецензентъ прибавляетъ): «Я воображаю, что эти обѣ фантазіи покажутся весьма-вкусными *десертными блюдами* даже въ очень степенныхъ оркестровыхъ концертахъ, а еслибъ я былъ дприжеромъ лѣтней вокальной музыки высшаго сорта, я помѣтилъ бы въ свой репертуаръ *всѣ четыре* партитуры.» (—Какое счастье! Честь какая!!)

«Желательно, чтобы онѣ въ скоромъ времени стали исполняться для *увеселенія (zum Amusement)* музыкальной публики.»

Подписано: Кер.

Praetium magister triste habet! Величайшая въ свѣтѣ музыка—(послѣдній творенія Бетховена) ровно чрезъ тридцать лѣтъ послѣ своего рожденія вызвала въ музыкально-критической литературѣ постыднѣйшій насквиль.

Глядя на ходъ музыкальных дѣлъ съ этой точки, можно успокоиться и за Глинку, что въ Россіи, черезъ двадцать лѣтъ послѣ созданія оперы «Жизнь за Царя» явился въ печати только одинъ подробный о ней отчетъ—такъ и оставшійся жалко-неудачнымъ покушеніемъ на критическій разборъ. (Статьи г. Ростислава въ Сѣв. Пчелѣ за 1854.) А изданныя за границею четыре гениальныя партитуры въ свою очередь встрѣчаютъ теперь такой *невѣжественный* пріемъ со стороны германскихъ музыкальных судей! Утѣшьте себя философіею—можно; но какъ бы то ни было: рана остается раною;—боль-болью! досада-досадою!

Газетка «Сигналы» не пользуется, конечно, репутаціею ни справедливости ни толковости, ни добросовѣстности, скорѣе извѣстна именпо: отсутствіемъ этихъ качествъ—тѣмъ не менѣе имѣетъ тысячи подписчиковъ въ разныхъ углахъ чи-

тающаго по-пѣмки міра. Бездна музыкантовъ получить теперь о музыкѣ Глинки совершенно-ложное понятіе, а скоро ли оно разрушится ближайшимъ знакомствомъ съ самими произведеніями о которыхъ рѣчь идетъ?!

Грубая ошибочность или постыдная недобросовѣстность въ приведенномъ нами приговорѣ и комментаріи не требуютъ!

Видѣть въ увертюрахъ Глинкиныхъ оперъ—духъ Обера или Галеви (!!) отрицать въ Глинкѣ—національность самобытность, оригинальность,—считать «аповеозомъ» для такихъ произведеній—исполненіе ихъ въ садовыхъ оркестрахъ въ родѣ Гунгеля и Штрауса—такъ далеко въ туновидѣніи не заходить даже самъ король туновидцовъ—Фетисъ!

Какъ бы г. Кер согласилъ съ своимъ мулярнымъ приговоромъ тотъ фактъ, что оперу «французски-граціознаго, салоннаго композитора» оперу всю написанную въ томъ же духѣ какъ и увертюра (и на *тѣже* самые мотивы) великоствѣтское общество—подъ вкуть котораго будтобъ Глинка подлаживался—провозглашало «музыкою кучеровъ.—?

Какъ бы г. Кер опровергнулъ фактическія доказательства (которыя будутъ ему поднесутъ въ свое время) что въ разработкѣ аррагонскаго плясоваго напѣва гениальность Глинки достигаетъ совершенно *бетховенской* серьезности, въ высотѣ полета почти *равняется* съ первѣйшимъ въ свѣтѣ симфонистомъ?!

Съ какой стороны можно сдѣлать хоть малѣйшій упрекъ второй пѣт испанскихъ фантазій? Не новы ли въ искусствѣ эти граціозныя формы,—какъ будто случайно-наизапыныя на одну нить, между тѣмъ связанныя между собою глубоко-скрытымъ организмомъ? Много ли на свѣтѣ произведеній въ которыхъ вѣяла бы такая нѣжность и грація—до малѣйшихъ отбѣнковъ ритма и оркестровки? Много ли на свѣтѣ произведеній которыя могли бы поспорить съ увертюрами Глинкиныхъ оперъ въ оригинальности концепціи и обдѣлки?

О слѣпотѣ! о невѣдѣніи! или... о *продажность* журнальнаго суда!

Слово «продажность» вызываетъ понятіе о «покупкѣ». Кому же нужно «подкупкомъ» искажать нѣмецкія журнальныя мнѣнія о русскомъ артистѣ? *Тѣмъ* нужно, для которыхъ возрастающая слава Глинки будетъ какъ бѣльмо на глазу,—*тѣмъ*, которые еще при жизни великаго нашего композитора совершали разныя продѣлки въ Германіи, чтобы заранѣе выставить его въ невыгодномъ свѣтѣ.

Зависть—извѣстное свойство полу-артистовъ, полу-талантовъ, полу-знаменитостей.

Есть слухи что, въ одной изъ вѣнскихъ музыкальных газетъ появилась статейка о тѣхъ же партитурахъ Глинки, передъ которой—говорятъ—отзывъ въ «Signale»—восторженная похвала.

И долго, долго еще, придется намъ все это терпѣть, особенно если еще не скоро будутъ издапы въ свѣтѣ полныя оркестровыя партитуры *обѣихъ оперъ* Глинки, музыки къ драмѣ «Холмскій» и фантазіи на «Комаринскую.»

Конечно, никакія въ свѣтѣ *усилія* не заставятъ полюбить музыку Глинки въ Европѣ, если на то еще время по-

пришло; однако ревностно стараться о распространении вър-ныхъ понятій объ этой музыкѣ, уничтоженіемъ ложныхъ, и практическимъ ознакомленіемъ съ самими произведеніями должъ каждого изъ русскихъ, кто любитъ искусство. Вотъ почему, доложивъ русской публикѣ о такой враждебности нѣмецкой музыкальной критики къ нашему великому художнику, приступить надо немедленно къ полемической дѣятельности на одной аренѣ съ противниками Глинки, т. е. — въ журналахъ нѣмецкихъ.

А. СѢРОВЪ.

НОВОИЗДАНЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СО- ЧИНЕНІЯ.

У Кернара.

Два новыя произведенія А. С. Даргомыжскаго на пѣ-снхъ Беранже, въ переводѣ Курочкина:

1) *Старый капралъ* (le vieux Caporal), пѣсня драмати-ческая.

2) «Червякъ» (le Sénateur), пѣсня комическая.

Талантъ А. С. Даргомыжскаго къ драматической прав-дѣ въ музыкѣ можетъ быть не извѣстенъ только тѣмъ, кто совершенно-равнодушенъ къ отечественному искусству, а осматриваемъ только тѣми, кто вообще ничего въ музыкѣ не смыслитъ.

Дѣй въ означенныя пѣсенки новое блистательное под-твержденіе необыкновеннаго дарованія создавшаго бездну романсовъ восторженныхъ, и капитально-драматическія сцены въ оперѣ «Русалка».

Старикъ—наполеоновскій капралъ виновенъ въ преступле-ніи противъ дисциплины. Его ведутъ разстрѣливать, а онъ—на походѣ—держитъ предсмертную рѣчь къ товари-щамъ. Сюжетъ трагическій, не смотря на мелкость формы. Точно такъ и музыка А. С. Даргомыжскаго, сохраняя без-заботные, безпритязательные повороты фразъ *куплетныхъ*, проникнута характеромъ глубоко-трагическимъ.

Подробности мелодическихъ фразъ прелестно обрисовы-ваютъ всѣ положенія мастерски переведеннаго текста и со-ставляютъ полную, оконченную музыкальную картинку. Мар-шировка солдатъ:

«Въ ногу ребята,—разъ два, разъ два» —

Даетъ отличный ритмическій грунтъ всей пѣснѣ, кото-рая, вообще, одно изъ самыхъ удачныхъ созданій нашего музыкальнаго драматика.

Другая пѣсенка — чисто-сатирическая, потому само-му граничить съ сюжетами вовсе не-музыкальными и дол-жна впадать въ *водевильность*; но и надъ этими невыгода-ми восторжесгвовалъ гибкій талантъ автора музыки. От-тѣпки выраженія, мастерски-схваченныя съ натуры, какъ въ «tableau de genre» и въ этой пѣсенкѣ чрезвычайно-занима-тельны и даже нѣсколько мирятъ музыкальность съ намѣре-ніями ироніи и злой насмѣшки въ текстѣ. Переводъ со мно-гихъ сторонъ сильнѣе оригинала, и музыка не ослабляетъ

впечатлѣнія. На невыгодной для музыки—сатирической по-чвѣ это уже чрезвычайно-много.

У Стеловскаго.

1) Маленькій романсъ Глинки (oeuvre posthume) «При-зпаніе» на слова Пушкина:

Я васъ люблю, хоть я бѣлусъ,
Хоть это стыдъ и трудъ напрасный.

Микроскопически-коротенькая пьеска (всего 16 тактовъ) интересна оригинальнымъ басомъ (по ступенямъ восходя-щей гаммы, кое-гдѣ хроматизированнымъ) и не принужден-ностью мелодической фразы. Она была найдена въ бума-гахъ композитора 1810—1812 годовъ и напечатана, какъ стоявшая вниманія некорка таланта. Желалъ-ли бы самъ Глинка пустить эту вещь въ печать? это вопросъ кото-рый надо рѣшить скорѣе отрицательно. Сама-по-себѣ ве-щина маловажна, водевильна, а на слова:

«Хоть это» между голосомъ и басомъ встрѣчаются окта-вы, которыя дѣйствуютъ на слухъ не совсѣмъ ловко, и въ-роятно подвергнулись бы строгой ценсурѣ самаго автора, смѣлаго, но всегда изящнаго гармониста.

2) Bouquet de mélodies № 32 } par
Bluettes de meilleurs opéras № 24 } N. Alberti.

Произведенія сами-по-себѣ ничтожныя какъ всѣ arran-жировки изъ оперныхъ мелодій въ легкой обще доступной редакціи, но замѣчательныя съ той стороны, что г. Аль-берти въ число любимѣйшихъ и извѣстѣйшихъ оперъ по-именованныхъ въ вѣникъ, который красуется на заглавномъ листѣ «Bluettes», включилъ оперу «Жизнь за Царя» и слѣ-залъ маленькія попури изъ ея мотивовъ. Пусть хотя въ этомъ незатѣйливомъ видѣ европейскій свѣтъ понемножку знако-мится съ сокровищами музыкальнаго вымысла, хранищими-ся въ партитурахъ Глинкиныхъ оперъ. Пускай хоть въ этой жалкой редакціи вдохновенныя мелодіи говорятъ сами за себя и удичаютъ въ отсутствіи музыкальнаго толка тѣхъ, кто отрицаетъ въ этомъ стилѣ музыки—оригинальность.

3) Новое полное изданіе знаменитыхъ полонезовъ Огин-скаго.

Просматривая эту музыку (очень-красиво изданную, съ блестящею вишетою польскаго бала на заглавномъ листѣ), проигрывая эти полонезы невольно призадумываешься, какъ болѣею частію несправедливо составляются репутации!

Польскіе Огинскаго весьма граціозны, мелодичны, но эта мелодія совершенно во вкусѣ Моцартовой сонатной музы-ки, мелодія, слѣдовательно, Вѣнской школы, или обще-евро-пейскаго вкуса изъ конца XVIII вѣка и съ этой стороны очень донятно, что была въ свое время въ сильной модѣ.

Между тѣмъ соотчичи Огинскаго, всегда чрезвычайныя энтузіасты къ роднымъ талантамъ, провозгласили эти поло-незы типическимъ выраженіемъ польскаго характера, типич-чески-польскою музыкою. (!) Отрицаая совершенно польскій элементъ въ этихъ полонезахъ мы не боимся повторить правильность приговоровъ господина Кер о Глинкѣ. Если-бы его «пристрелили» онъ-бы поставленъ былъ въ боль-шое замѣшательство какъ доказать свой тезисъ о француз-скомъ характерѣ музыки въ увертюру «Жизнь за Царя, ме-

жду тѣмъ мы свой приговоръ можемъ прямо подтвердить убѣжденіемъ нагляднымъ.

Спросимъ Поляковъ національно-ли польская музыка—Шопеновыхъ мазурокъ и полонезовъ?

Отвѣтъ будетъ: Очень національна.

Национально-ли польская музыка Моношки, въ его полонезахъ, краковякахъ и т. д.—?

Отвѣтъ будетъ: Очень національна.

Сравнимъ Шопена съ Моношко, мы видимъ большое сходство и эти общія черты принимаемъ за типически-польскія.

Но въ польскихъ Огнескаго ни мелодическіе ни ритмическіе обороты, ни гармонизація ни мало не напоминаютъ ни Шопена, ни Моношку, ни полонезъ и краковякъ Глинки, ни польскія народныя пѣсни, которыхъ мы бездну слышали въ музыкѣ балета «Крестьянская свадьба» а, напротивъ повторяемъ, эти полонезы какъ будто списаны съ мягко-граціозныхъ, кроткихъ менуэтовъ Моцарта. Въ чемъ же тутъ польская типичность?

А. СЕРОВЪ.

РАСКАЗАНІЕ ДОНЪ-ЖУАНА.

(Продолженіе.)

IV.

Черезъ два часа выходя изъ *Recreo* донъ-Жуанъ столкнулся у самыхъ дверей съ Тіо-Аріета. Старикъ былъ блѣденъ, и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Дочь моя!.. Возвратите мнѣ мою дочь, сеньоръ! вскричалъ онъ съ глухимъ отчаяніемъ и горько рыдая.

— Ты кажешься помѣшавшимся, любезный Аріета? отвѣчалъ донъ-Жуанъ оттолкнувъ старика,—ты сумасшедшій!..

— Помѣшавшимся! повторилъ танцмейстеръ вѣсь себя... сумасшедшій!.. потому-что жизнь моего дитяти мнѣ дороже всего? душа ея такъ чиста и невинна... Вы похитили у меня мое сокровище и называете меня сумасшедшимъ, за то, что я требую отъ васъ мою дочь... Я готовъ повторить передъ цѣлымъ міромъ, что вы поступили низко и безчестно!.. Согласитесь, сеньоръ, такихъ сумасшедшихъ вы немного найдете...

— Чего же ты отъ меня хочешь, любезный? отвѣчалъ донъ-Жуанъ невольно смущенный такою глубокою скорбію.

— А вы не знаете чего мнѣ нужно? возразилъ съ горькой улыбкой старикъ танцмейстеръ; правда, вы не можете понять чувствъ отца, для васъ нѣтъ ничего святаго, а я второй уже разъ теряю свое дитя... донъ-Жуанъ незаметно вздрогнулъ, Тіо-Аріета продолжалъ съ проницательностью.

— Я могъ бы вамъ напомнить одну исторію, донъ-Манара, и надѣюсь вы бы тогда поняли мое отчаяніе...

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ исторій! отвѣчалъ съ хохотомъ донъ-Жуанъ.

— Донъ-Манара говоритъ громко, желая вѣроятно привлечь слушателей. Чтожъ, дѣло возможное, найдутся здѣсь можетъ быть люди знавшіе несчастную героиню моего грустнаго разказа...

Донъ-Жуанъ сдѣлалъ шагъ къ двери. Показывалъ видъ будто ничего не замѣчаетъ, Тіо-Аріета началъ вполголоса:

— Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, молодая дѣвушка, прекрасная, добрая и чистая какъ ангелъ, дебютировала съ успѣхомъ въ *Recreo*.

Донъ-Жуанъ невольно остановился; танцмейстеръ продолжалъ:

— Красавицу преслѣдовалъ знатный сеньоръ, но дѣвушка предпочла чистую любовь гнусному пороку, и не хотѣла промѣнять честнаго артиста предложившаго ей свою руку, на знатнаго дворянина, Но разъ вечеромъ похищенная силою, она попала въ руки презрѣннаго...

— Рита!.. прошепталъ донъ-Жуанъ.

— А! вы начинаете вспоминать, какъ вижу!.. Бѣдная дѣвушка, сдѣлавшись матерью, уѣхала изъ Севильи и пріютилась у своего отца. Тіо-Аріета былъ очень бѣденъ, едва могъ прокормить себя, но хлѣба его достало для дочери и для ея ребенка. Какой праздникъ былъ для бѣднаго семейства, когда Господь послалъ имъ маленькаго ангела... Все переѣнилось, все оживилось и даже бѣдность показалась не такъ тяжелой. У Тіо-Аріета была вторая дочь, и онъ не промѣнялъ бы своей жизни на королевскій санъ, а свою хижину на Альказаръ.

— А гдѣ-же дочь Риты? спросилъ донъ-Жуанъ съ сильнымъ волненіемъ.

— Ее постигнетъ вѣроятно участь ея матери, отвѣчалъ съ горестною танцмейстеръ. Теперь можете приказывать вашимъ лакеямъ меня выгнать... и можете удостовѣриться, что я не сумасшедшій!

Донъ-Жуанъ поблѣднѣлъ; губы его сильно сжались, глаза заблестали, онъ невольно схватился за шпагу и крѣпко сжавъ рукоятку вскричалъ обращаясь къ Тіо-Аріета, зачѣмъ вы встрѣтились въ моей жизни?

— Я не виноватъ въ томъ, и вы лучше всѣхъ знаете отчего мы встрѣтились.

— Но если я погубилъ вашу дочь, зачѣмъ вы тогда мнѣ всего не рассказали, и не потребовали удовлетворенія? спросилъ донъ-Жуанъ съ нетерпѣніемъ.

— Кажется вы начинаете понимать, сеньоръ, что отецъ оживаетъ въ своей дочери; ея безчестіе падаетъ и на него.

— Я понималъ только, что Рита дочь той дѣвушки, которую звали также Ритой, которую я любилъ одну минуту и погубилъ навсегда. Мои люди похитили сегодня Риту и теперь она наединѣ съ шевалье де Тавера!.. Видите, мнѣ нужно непремѣнно знать точно ли она моя дочь?

И вы еще сомнѣваетесь, сеньоръ? и допустите совершиться гнуснѣйшему преступленію?.. Вы требуете подлинныхъ доказательствъ, не вѣрите мнѣ на слово?

— Я жду! отвѣчалъ холодно донъ-Жуанъ.

Тіо-Аріета придвинулъ кресла и сѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте и мнѣ подождать въ этомъ креслѣ; я старъ и не могу долго стоять на ногахъ... Что дѣлать! нельзя всего предвидѣть!.. Знатный дворянинъ погубилъ молодую дѣвушку... Бѣдное дитя Тіо-Аріета не могъ разстаться съ своей бѣдной дочерью и ея ребенкомъ... Онъ сталъ кормить ихъ своими трудами. Черезъ нѣсколько

времени дочь его умерла съ горя, оставивъ слѣдующее письмо къ отцу своего ребенка: «Я умираю... вы меня убили!.. Вѣрю вамъ жизнь маленькаго ангела, котораго Пебо вамъ даровало. Можетъ быть вы сжалятся надъ младенцомъ и полюбите его... Тропитесь мольбою умирающей... она будетъ за васъ молиться».

«Рита».

— Правда, началъ старикъ, помолчавъ немного, чѣмъ доказать подлинность этого письма, какъ поручиться, что я не лгу?.. Вѣдь такія письма двадцать разъ сочинили покинутыя дѣвушки... Кто знаетъ, быть можетъ все это низкій обманъ,

— Тіо-Аріета! отвѣчалъ съ грустью донъ-Жуанъ, вы хотите доказать, что также хорошо владѣете сарказмомъ какъ я, пистолетомъ и шпагой...

— Нѣтъ сеньоръ, отвѣчалъ танцмейстеръ съ притворнымъ спокойствіемъ, съ трудомъ скрывая свое негодованіе, я только удивляюсь сердцу человѣческому и не понимаю какъ отецъ можетъ быть такъ равнодушенъ въ то время какъ дочь его въ опасности... Между тѣмъ какъ вы здѣсь спокойно требуете доказательствъ о рожденіи вашей дочери, шевалье де Тавера имѣетъ съ ней тайное свиданіе...

— Клянусь Богомъ и памятью моей матери, единственной женщины, которую я уважалъ во всемъ мірѣ, вскричалъ съ силою донъ-Жуанъ, я спасу Риту, или отомщу за нее... какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ, что я долженъ вамъ вѣрить...

Въ эту минуту вошелъ донъ Эстебанъ де Тавера; лицо его сіяло радостью, глаза блестѣли, онъ весело улыбался.

— Откуда вы пришли, шевалье? спросилъ Манара, бросаясь къ нему на встрѣчу.

— Я былъ тамъ, куда вы меня послали, отвѣчалъ смѣясь вѣтренникъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ донъ-Жуанъ, страшно поблѣднѣвъ, прошу васъ слѣдовать за мной со шпагой подъ арки Макаренъ... Богъ васъ разсудитъ!..

— За что разсудитъ?.. что съ вами мой другъ, или не влюбился ли вы вдругъ въ Риту?

— Донъ Жуанъ ее любитъ, это правда, прибавилъ живо старый танцмейстеръ подходя къ молодымъ людямъ.

— Уже поздно, отвѣчалъ донъ Эстебанъ, хотя васъ и называютъ богомъ любви, но вамъ предстоитъ борьба съ сильнѣйшей партіей, любезный другъ.

— Что вы хотите сказать, шевалье?.. Не думаете ли вы, что ваше имя знатнѣ моего, или ваша шпага острѣе моей, или ваша рука сильнѣ моей руки!

— Ничуть!.. дѣло идетъ не объ моемъ титулѣ, ни объ моей силѣ и ни объ ловкости.

— О комъ же вы говорите?

— О томъ, кто всѣмъ здѣсь повелѣваетъ... по одному слову котораго двадцать рукъ готовы взяться за кппжалъ.

— Король!.. прошепталъ донъ-Жуанъ.

— Да, любезный другъ, король!.. Вспомните-ка послѣдній балъ при дворѣ, когда вы похитили донну Анну у его величества. Король могъ послать васъ на Филиппинскіе острова, но былъ такъ милостивъ, простилъ побѣду и только

сказалъ вамъ на другой день бала: «Донъ Жуанъ ли Манара, вы любите охотиться въ королевскихъ владѣніяхъ... васъ прощаютъ... по помните, что король въ свою очередь пріѣдетъ охотиться на вашихъ земляхъ, когда мои гопчія почувуютъ отличную дичь». Сегодня продолжалъ шевалье, когда шелъ я на пріятное свиданіе, которое вы такъ рыцарски мнѣ предложили, я встрѣтилъ барона де Фигароа.

— Куда вы? спросилъ меня баронъ, улыбаясь.

— Къ чорту! отвѣчалъ я. Можетъ быть я говорилъ правду, самъ того не подозревая.

— То есть, возразилъ баронъ, вы отправляетесь на любовное свиданіе, не такъ ли, шевалье? только не поздно ли?

— Какъ поздно?.. я кажется не опоздалъ! и собираюсь исполнѣ насладиться...

— Жаль, если вы не успѣете, шевалье?..

— Отчего же, баронъ?

— Я знаю, вы отправляетесь къ Ритѣ, отвѣчалъ небрежно баронъ, но кажется король также намѣренъ ее посѣтить... его величество заключилъ условіе съ нашимъ общимъ другомъ донъ-Жуаномъ, по которому имѣетъ право обладать первой побѣдой или добычей сеньора Манары. Неужели вы захотите птти противъ воли его величества, или бороться съ лакеями донъ-Жуана?.. Но знаете, мой другъ, прибавилъ донъ Эстебанъ, всего смѣшнѣе то, что король явится въ вашъ таинственный отель, подъ вашимъ именемъ и даже можетъ быть въ вашемъ плащѣ... Его величество пріѣдетъ одинъ замаскированный въ часъ по-полночи.

— Этого никогда не будетъ! вскричалъ съ мрачной энергіей донъ Жуанъ.

— Такъ-то вы соблюдаете условіа? спросилъ шевалье.

— Сеньоръ Манара, поспѣшилъ прибавить Тіо-Аріета, благородный и храбрый дворянинъ и держитъ свято данное слово... потомъ обращаясь къ донъ-Жуану, который съ сверкающими глазами, блѣдный какъ смерть смотрѣлъ на него какъ помѣшанный, старикъ прибавилъ въ полголоса:

— Еще пѣтъ часу... ничего не потеряно...

— Какъ не потеряно?

— Пакита обѣщала притти сюда... отведите ее туда, куда велѣли проводить Риту.

— Невозможно!

— Отчего?

— Пакита охладѣла ко мнѣ и не пріѣдетъ первая; она будетъ спокойно ждать меня, болтая съ своими друзьями.

— Что же? она можетъ выпроводить своихъ друзей.

— У ней будутъ сегодня вечеромъ и другіе гости.

— Гостей можетъ не пріять.

— Но они пріѣдутъ ужинать!.. возразилъ донъ Жуанъ, невольпо улыбаясь.

— Вѣдь не первый разъ же придется Пакитѣ выслать, своихъ друзей для васъ, отвѣчалъ танцмейстеръ... Женщины ни въ чемъ не могутъ отказать вамъ, донъ Жуанъ, всѣ это знаютъ въ Севильѣ и даже во всей Испаніи!.. Пакита непременно сдѣлаетъ все что вы захотите.

V.

Пробило полночь на всѣхъ часахъ Севиліи. Въ роскошномъ будуарѣ уединеннаго отеля на бархатномъ диванѣ, сидѣлъ красивый испанецъ обнявъ молодую дѣвушку, которая ему улыбалась съ любовью.

Молодая дѣвушка была Рита! Прекрасный сеньоръ донъ Жуанъ ли Манара!

— Никогда еще я не испытывалъ такого счастья какъ теперь, я знаю что ты моя дочь, говорилъ онъ, цѣлуя въ лобъ прелестную танцовщицу...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, моя Рита, ты напоминаешь мнѣ твою мать, которую я считалъ несчастной!.. Ты олицетворяешь для меня прошедшее, настоящее, будущее! Смотря на тебя я вспоминаю и надеюсь!.. Твоя нѣжная ручка, кроткій взглядъ, ангельская улыбка, чистое сердце пробуждаютъ во мнѣ неизвѣстные до тѣхъ поръ чувства... ты моя жизнь, мое сокровище, мое утѣшеніе!.. О! я понимаю любовь отца...

Рита не отвѣчала; она не сводила глазъ съ отца и боялась проронить хотя одно слово.

— Скажи мнѣ, Рита, продолжалъ нѣжно донъ-Жуанъ, будешь ли ты меня любить?

Молодая дѣвушка подняла на отца свои прекрасные черные глаза.

— Можете ли вы сомнѣваться въ моей любви? отвѣчала она съ упрекомъ.

— Ты мнѣ говоришь *вы*?

— Не я, а мои губы; сердце прямо говорить: Отецъ мой, я люблю тебя!..

— Очень любишь?..

— Ты все еще сомнѣваешься?

— Твоя правда, дитя мое, я все забываю, что дочь не то что другія женщины!.. Итакъ, ты меня любишь... и главное будешь всегда любить?

— Я отвѣчаю за будущее какъ и за настоящее, отвѣчала Рита съ улыбкой.

— Хорошо, продолжалъ донъ Жуанъ, ты будешь со мной откровенна, не станешь ничего скрывать, не правда ли? Начиная съ твоихъ сердечныхъ тайнъ, когда они будутъ.

— Ты непременно хочешь?

— Непременно и тогда мы вмѣстѣ, общими силами придумаемъ что-нибудь...

— Тіо-Ариета уже придумалъ одно средство, отвѣчала молодая дѣвушка, опустивъ глаза.

— Какая предусмотрительность!

— Вѣдь у меня уже есть тайна... я люблю...

— Ты любишь?..

— Не знаю... мнѣ кажется что такъ. Я люблю его съ тѣхъ поръ какъ знаю, а знаю я его уже давно.

— Кого же ты любишь?

— Его!.. моего молочнаго брата... Валеро!

— А! его зовутъ Валеро?

— Какое чудесное имя, неправда ли? Онъ еще лучше своего имени... и еслибъ ты зналъ какой добрый!..

Донъ-Жуанъ невольно улынулся, молодая дѣвушка продолжала:

— Когда онъ сидитъ подлѣ меня или говоритъ со мной, сердце мое сильно бьется; когда рука его касается моей, трепетъ пробѣгаетъ по всему тѣлу и хотя мы старые друзья, если онъ на меня смотритъ, я дрожу и краснѣю... Тіо-Ариета увѣряетъ что это любовь... а ты какъ думаешь, батюшка?

— Боюсь, что это такъ!

— Я не хочу чтобы ты боялся!

— Дитя, не сказать ли: *надюсь* что это любовь?

— Пѣтъ, я хочу чтобы ты сказалъ...

— Что же?..

— Желаю, чтобы это была любовь!.. И пѣжно ласкал отца, Рита прибавила:

— Еслибъ ты его зналъ, то полюбилъ бы также сильно какъ и меня.

— Такъ какъ тебя... это слишкомъ! отвѣчалъ донъ-Жуанъ играя шелковистыми локонами своей дочери, ты не станешь ревновать!..

— Попробуй! отвѣчала Рита съ восхитительною шаловливостью.

— Прежде всего подобно увидѣть прекраснаго героя твоего романа.

— Ничего пѣтъ легче!.. Каждое утро онъ приносилъ мнѣ букетъ цвѣтовъ, когда я жила у Тіо Ариета... Вѣдь ты не захочешь чтобы я отказалась отъ его букетовъ... Я очень люблю цвѣты!

Донъ Жуанъ опять улыбнулся. Онъ уже страстно любилъ свою дочь и не могъ ни въ чемъ ей отказать. Для него начиналась новая жизнь; онъ разбиралъ еще въ первый разъ незнакомую для него до тѣхъ поръ страницу своего сердца... Бываютъ дни, когда человекъ чувствуетъ себя до того счастливымъ, что желать бы сдѣлать всѣхъ счастливыми. Но время быстро летитъ, жизнь коротка и каждая протекшая минута потеряна навсегда! У дверей будуара, гдѣ происходила описанная сцена, раздались три тихіе удара. Донъ Жуанъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, онъ, который никогда не дрожалъ.

— Отворите же, моя красавица, послышался голосъ который очевидно старались измѣнить, это я, донъ-Жуанъ ли Манара! Рита въ свою очередь поблѣднѣла и вздрогнула и невольно отдалась отъ отца.

— Я проклятъ! глухо простоналъ донъ-Жуанъ.

— Что же вы не открываете! продолжалъ голосъ уже не такъ нѣжно, не думаете ли вы, моя красавица, что я пришелъ только постоять у вашихъ дверей?.. Слуга научается побеждать въ граженіи, сопротивление возвышаетъ торжество любовника.

А вы знаете, я привыкъ всегда торжествовать.

— Кто это? спросила испуганная и дрожавшая Рита.

— Король! отвѣчалъ донъ-Жуанъ.

— Что это? Вы кажется не одинъ? вскричалъ мнимый донъ-Манара.

— Да, ваше величество, отвѣчалъ донъ-Жуанъ отворявъ дверь будуара и тотчасъ же заперъ ее за собой. Рита была со мной.

— А! прошепталъ король съ гордой усмѣшкой, вы еще не уѣхали на Филиппинскіе острова?

— Какъ видите, ваше величество... вѣроятно, ваше величество не знали, что отправляетесь на свиданіе въ мою домъ?

— Нѣтъ не зналъ!.. И чтобъ быть здѣсь, я назвался вашимъ именемъ и налѣлъ вашу шляпу и плащъ... Но помните, король испанскій привыкъ, чтобъ ему повиновались... поэтому приказываю вамъ отворить дверь этого будуара, въ которомъ вы заперлись сію минуту... Женщина эта мнѣ принадлежитъ, я люблю ее!..

— Вы любите ее, ваше величество, но вы ее никогда не видали?

— Правда, я ее никогда не видалъ.

— Ваше величество, если эта женщина, которую вы не знаете и не любите, мнѣ дорогая?

— Очень жаль, холодно возразилъ король, но я не перемѣню моего намѣренія.

— Но еслибъ она была... моей сестрой?

— Вашей сестрой?.. Я все-таки перемѣню своего намѣренія... Но къ счастью и къ успокоенію моей совѣсти, я знаю, что это не можетъ быть!.. Любовь меня не заставила, какъ васъ, потерять память, я очень хорошо помню, вашъ отецъ умеръ до вашего рожденія, а ваша мать была добродѣтельнѣйшая изъ придворныхъ дамъ, и такъ въ фамиліи Манара нѣтъ болѣе потомковъ.

— Можетъ быть, ваше величество.

— Впрочемъ какое мнѣ дѣло до вашего родства. На этотъ разъ я васъ прощаю, но впередъ прошу быть доверчивѣе и благоразумнѣе.

— Ваше величество, вы не войдете! отвѣчалъ рѣшительно донъ-Жуанъ, король отступилъ съ удивленіемъ.

— Прекрасно! только этого недоставало: вы осмѣлились мнѣ запретить войти, донъ-Жуанъ!

— Вы не войдете, ваше величество?

— Что вы говорите?

— Я говорю, вы не войдете, ваше величество, повторилъ холодно донъ-Жуанъ.

— Вотъ какъ! сказалъ насмѣшливо король. Это становится забавно, можно подумать, что мы играемъ комедію...

— Грустную комедію, ваше величество!

— Правда, развязка можетъ кончиться трагически для одного изъ актеровъ... Итакъ, ради вашихъ наслѣдниковъ, (а ихъ у васъ очень много) даю вамъ отеческій совѣтъ отворите эту дверь...

— Возьмите мою жизнь, но не требуйте отъ меня невозможнаго, ваше величество...

— На что мнѣ ваша жизнь? еслибъ я захотѣлъ отнять у васъ жизнь, мнѣ стоитъ только взяться за шпагу... Говоря эти слова король коснулся рукоятки своей шпаги, донъ-Жуанъ невольно сдѣлалъ тоже и молнія непобѣдимаго гнѣва сверкнула въ его глазахъ.

— Ваше величество, сказалъ онъ, именемъ Бога молю васъ не припуждайте меня вынуть шпагу... Когда я берусь за нее, то какое то странное обаятельное чувство овладѣваетъ мною, боюсь забыть, что вы король и кто знаетъ быть мо-

жетъ противъ воли убью противника. Выѣсто отвѣта повелитель Испаніи презрительно улыбнулся и обнажилъ свою шпагу.

— Ваше величество, продолжалъ умолять донъ Жуанъ, помолчите немного, вложите вашу шпагу... Еслибъ дѣло шло только обо мнѣ, и бы сломалъ старый клинокъ моихъ предковъ и сказалъ бы: «Убейте меня! Но защищая такъ сильно эту дверь вы видите что я готовъ пожертвовать жизнью, только бы вы не вошли!.. Сію минуту я говорю громко, ваше величество, и смотрѣлъ смѣло въ глаза своему государю, теперь падаю къ его ногамъ и прошу его милости...

— На такое краснорѣчивое воззваніе я вотъ что отвѣчу: я считалъ васъ храбрымъ Испанцемъ, донъ-Жуанъ, а теперь вижу что вы не заслуживаете даже названія мужчины...

— Ваше величество! вскричалъ донъ-Жуанъ, быстро вставалъ.

— Извольте защищаться, сеньоръ Манара, отвѣчалъ гордо король. вы слишкомъ долго испытывали мое терпѣніе, я не позволю противиться моей волѣ.

Обѣ шпаги скрестились; нѣсколько минутъ слышались только удары и блескъ оружія сверкала въ темнотѣ, вдругъ какой-то замаскированный человекъ въ длинномъ плащѣ бросился между противниками. То былъ Тіо Аріета.

— Теперь не время драться, почтенные сеньоры, вы послѣ можете копчить вашъ поединокъ, но когда васъ ждутъ молодые прелестныя женщины можно отложить серьезные дѣла до завтра!

Король и донъ-Жуанъ посмотрѣли съ удивленіемъ на старика.

— Мы только что изъ *Recreo*, продолжалъ тапцмейстеръ; приказанія барона Фигароа въ точности исполнены... Теперь позвольте узнать, сеньоры, который изъ васъ донъ-Жуанъ дн Манара; для него то его благородный управитель успѣлъ завоевать сердце Риты!

— Я донъ-Жуанъ! отвѣчалъ король.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Тіо Аріета, указывая на дверь которую такъ храбро защищалъ донъ-Жуанъ, красавица ваша, донъ Манара. И онъ спокойно отворилъ недоступную дверь, донъ-Жуанъ сперва хотѣлъ не пустить короля въ будуаръ, но по знаку тапцмейстера отступилъ и почтительно преклонился передъ своимъ повелителемъ. Король вошелъ въ будуаръ прошептавъ:—наконецъ.

— Желаю вамъ счастья, сеньоръ, сказалъ ему въ слѣдъ Тіо Аріета, только не забудьте что вы донъ-Жуанъ, вѣдь ждутъ сеньора Манару!

— Король съ гнѣвомъ обернулся и быстро вошелъ въ комнату.

— Угадали-ли вы мою хитрость? спросилъ тапцмейстеръ снимая маску, еслибъ всѣ комедіанты были такіе-же великіе политики какъ я, при дворѣ остались-бы одни комедіанты, а на театрѣ въ свою очередь являлись бы искусныя политики, т. е. вездѣ были-бы комедіанты!

Я еще не понимаю въ чемъ дѣло?

— Вы догадываетесь конечно, что Риты уже нѣтъ въ будуарѣ, потому что я впустилъ туда короля, но Риту

замѣнила другая женщина такъ какъ его величество остается въ будуарѣ, какъ видите.

— Повимаю и вѣрю вамъ, Тіо Аріета... по объясните какимъ образомъ вы успѣли одну женщину замѣнить другой?

— Очень просто...

— Готовъ поклясться, что это невозможно!

— Позвольте васъ спросить что всего замѣчательнѣе въ вашемъ будуарѣ?

— Право не знаю; мнѣ кажется будуаръ мой убранный большимъ вкусомъ.

— Выполнѣ съ вами согласенъ... Но что всего необходимѣе для человѣка стоящаго на улицѣ, который хочетъ тайно войти въ домъ? Окно! Въ вашемъ будуарѣ есть балконъ и окно... славная выдумка—окно!.. Когда вы, напримѣръ, мечтаете о любви, куда улетаютъ ваши мечты?

— На небо!..

— Но сперва вылетаютъ въ окно?.. Откуда часто доходятъ до васъ сладкіе звуки любимого голоса?—Изъ окна! Какъ спасаются прекрасныя женщины пришедшія на тайное свиданіе или капиталисты?.. Въ окно!.. Куда бросаете вы деньги? Въ окно!.. Какимъ образомъ ваша дочь Рита вышла изъ будуара?.. Въ окно!.. Какъ вошла туда Пакига? Тоже въ окно!.. Видите, сениоръ Манара, всего полезнѣе въ жизни, всего необходимѣе въ домѣ, окно?..

— Вы отличный поэтъ и философъ, Тіо-Аріета, отвѣчалъ донъ-Жуанъ дружески пожимая руку тапцмейстера, и благородный человѣкъ!..

— Последнее качество болѣе всего мнѣ льститъ.

— Съ этой минуты, прибавилъ Манара, моя жизнь и все мое богатство принадлежатъ вамъ...

— О! сениоръ, это слишкомъ!.. Жизнь еще мнѣ дорога, я желалъ-бы исполнѣ насладиться счастьемъ тѣхъ кого люблю, но богатства мнѣ не нужно. Я не привыкъ имѣть много денегъ и большая сумма только бы отяготила меня... Что дѣлать!.. я ужъ такъ создапъ, только тогда веселѣ и спокоенъ, когда кошелекъ мой пустъ, а кошелекъ мой почти всегда пустъ... Я прошу у васъ одного... Позвольте Ритѣ выйти замужъ за Валеро... Бѣдные дѣти! они любить другъ друга съ самаго дѣтства, нельзя-же не вознаградить такую продолжительную и вѣрную любовь!..

— Согласенъ, отвѣчалъ донъ-Жуанъ, черезъ нѣсколько дней, обвѣнчайте Риту съ Валеро... Дочь моя не будетъ тапцовщицей и мы всѣ четверо уѣдемъ въ мои помѣстія, тамъ я назову Риту своей законной дочерью, объявивъ о тайномъ бракѣ съ ея матерью. Довольны-ли вы мною, Тіо-Аріета?..

— Увидимъ, что будетъ, сениоръ! отвѣчалъ старикъ.

(Окончаніе. впереди).

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Тамберлики передъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижъ въ Лондонъ участвовалъ въ бенефисѣ, данномъ въ пользу артистовъ Большой оперы, состоящихъ на пенсіи. Спектакль былъ прекрасно составленъ. Сперва шла комедія г-жи Эмилъ де Жирарденъ: *Le Chapeau d'un Harloger*, разыгранная актерами театра Gymnase Dramatique. Потомъ одинъ актъ балета: *Орфа* и послѣднее дѣйствіе *Корсара*. Въ танцахъ приняли участіе г-жи Феррарисъ, Розаги и Ришаръ. Но главнымъ украшеніемъ вечера были огрывки изъ трехъ оперъ Россіи: тріо и сцена клятвы изъ *Вильгельма Теля*, дуэтъ изъ *Отелло* и 3-й актъ *Моисей*. Тамберлики произвелъ по обыкновенію фуроръ своимъ *ut-dièze*. Не менѣе отличился знаменитый артистъ въ концертѣ данномъ редакціею газетъ *Фигаро* своимъ многочисленнымъ собратіямъ по литературѣ и искусству въ великолѣпныхъ залахъ *hotel de Louvre*. На этомъ артистическомъ праздникѣ собралось множество гостей; праздникъ начался концертомъ, въ которомъ участвовали лучшія парижскія пѣвицы, г-жи Кабель, Миоланъ, Югальдъ, Каролина Дюпре: пѣвцы Тамберлики, Дюпре Форъ, Боппеге, скрипачъ Сивори и мн. др., концертъ кончился баломъ. На театрѣ Комической оперы возобновлена старинная опера Герольда *Le Muletier de Tolide*. Музыка Герольда не устарѣла, исключая нѣкоторыхъ нумеровъ, въ которыхъ замѣтно сильное подражаніе Россіи и заставляетъ невольно пожалѣть о композиторѣ умершемъ во цвѣтѣ лѣтъ и таланта. Новая опера Виктора Массе *Les Chaises à porteur* довольно игривая шутка, хотя и уступаетъ прочимъ произведеніямъ композитора *Reine Topaze*, *les Dragons de Villars* и пр.—Знаменитая тапцовщица Биготини, современница Вестриса и Горбе умерла недавно въ Парижѣ на 74 году отъ рожденія. Эмилія Биготини дебютировала въ 1802 г. въ Парижѣ на сценѣ Большой оперы въ роли Пенхен въ балетѣ *Амуръ и Психея* и съ перваго дебюта покорила всѣ сердца. Молодость и красота вмѣстѣ съ талантомъ и грандіей прославила ея имя; но извѣстность ея еще болѣе увеличилась въ 1813 г. въ балетѣ *Мина*, гдѣ Биготини отличилась мимикой и съ тѣхъ поръ считалась первой звѣздой хореографическаго міра въ продолженіи 10 лѣтъ. Въ 1823 г. Биготини навсегда оставила сцену. Въ свой прощальный бенефисъ Биготини явилась какъ актриса и исполнила роль пажъ въ комедіи Дюма; *la Jeunesse de Henri V*; она играла въ этой пьесѣ вмѣстѣ съ г-жею Марсъ и танцевала въ тотъ же вечеръ въ балетѣ *Внутренній пажъ*. Прелестной тапцовщицей поднесла вѣнокъ и стихи написанные Скрибомъ. Сошедъ со сцены г-жа Биготини прожила въ уединеніи 35 лѣтъ, часто вспоминая свои прежніе триумфы и можно справедливо сказать: никогда женщина не знала столько поклонниковъ, ни одна артистка не возбуждала такой восторгъ поэтовъ. Изъ множества концертовъ не переставаящихъ наводнить Парижъ въ настоящее время упомянемъ о двухъ концертахъ молодой польской піанистки Бржовской и піаниста Генриха Боша изъ Москвы. Г-жа Бржовская артистка съ большимъ талантомъ: въ игрѣ ея много энергіи и вкуса. Она исполнила между прочими пьесами покторинъ и двѣ мазурки Шо-

пена и *valse de concert* Антона Конгскаго. Г. Бошъ также замѣчательный пианистъ: игра его отличается иѣжностью и напоминаетъ игру Шульгофа. Выборъ пѣснь имъ исполненныхъ показываетъ вполне разнообразіе его таланта; г. Бошъ игралъ произведенія Баха, Генделя, Бетховена, Шуманна, Шопена и Стефана Геллера. Особенно поправилась прелестная тарантелла (*la bémol*) Стефана Геллера.

Пынѣшній лѣтній сезонъ въ Баденѣ будетъ очень блестящій, готовятся нѣсколько новыхъ такъ называемыхъ *салоновыхъ* оперетокъ и комедій. Берліозъ приглашенъ дирижировать фестивалемъ который приготавливаютъ къ июлю мѣсяцу. Въ Берлинѣ много говорятъ о молодой ученицѣ Куллака, Сарѣ Магнусъ, прекрасной пианисткѣ, давшей концертъ въ *Spielhaus*; въ этомъ концертѣ участвовалъ Александръ Богдановъ, братъ нашей прелестной танцовщицы и сыгралъ съ успѣхомъ фантазію Вьетана на русскія пѣсни. Въ Пѣвческой Академіи исполненъ *Фаустъ*, князя Радзивилла; изъ нумеровъ болѣе другихъ произведшихъ эффектъ замѣчательны хоръ: *Христосъ воскресъ* и хоръ духовъ: *Улетимъ*.

Въ Вѣнѣ между прочими операми, давали оперу Верди *Арольдо*; главныя роли занимали пѣвица Стефанионе, пѣвцы Папкани и Ферри; также оперу Перелли: *Кларисса*, въ пей участвовали Медори, Беттини, Дебассини и Анжелини. Перелли пріѣхалъ парочно изъ Филадельфіи, чтобы присутствовать при первомъ представленіи своей оперы въ Вѣнѣ. Въ кругу почитателей Бетховена, которымъ жизнь великаго человека была коротко знакома, смерть Карла Бетховена, племянника знаменитаго композитора произвела боль-

шое впечатлѣніе. Покойный былъ тотъ самый Карлъ, который причинилъ столько заботъ и горя своему дяди. Воспитаніе его было главною цѣлію знаменитаго композитора и за это приходилось ему не разъ спорить съ матерью Карла. Опекуны мальчика взяли его отъ матери и передали Бетховену: по племянникъ оказался неблагодарнымъ и не умѣлъ оцѣнить почти фанатической любви своего дяди. Отношенія Бетховена къ Карлу составляютъ занимательный эпизодъ въ жизни великаго артиста, подробности можно найти въ многочисленныхъ письмахъ Бетховена. Племянникъ и братъ Бетховена, аптекаръ отравляли всю жизнь гениальнаго композитора. Въ Вѣнѣ еще до сихъ поръ помнятъ смѣшный экипажъ въ четыре лошади, въ которомъ аптекаръ пріѣзжалъ на гулянье въ Пратеръ. Аптекаръ этотъ послалъ однажды своему брату визитную карточку на которой стояло: *Van Beethoven—Gutsbesitzer*, а Людвигъ Бетговепъ возвратилъ ему карточку, приписавъ: *Hirnbesitzer*. Въ то время, какъ въ Вѣнѣ долгое время отыскивали могилу Моцарта, въ Мюнхенѣ недавно открыли домъ въ которомъ безсмертный композиторъ не только долго жилъ, но и написалъ своего *Идоменію*. Домъ этотъ съ давнихъ поръ называется *Sonneneck*. Квартира же Моцарта во второмъ этажѣ, въ пей живетъ теперь портной. Къ дому прибита каменная доска съ слѣдующею надписью: «Здѣсь, въ угловой комнатѣ, втораго этажа, Амедей Вольфгангъ Моцартъ окончилъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1770 года свою оперу *Идоменію*.»

О П Е Ч А Т К И:

въ прошедшемъ (№ 18). На стран. 207, сверху 12 строка напечатано погрѣше—должно читать позорище; на стран. 212 сверху 15 стр. напечатано не «что», и «какъ»—должно читать не «что, а какъ»; на стран. 214 снизу 6 стр. напечатано Бромпѣнскомъ—должно читать Бромитонскомъ.

Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ,

издатель и содержатель музыкальнаго магазина въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ, симъ имѣетъ честь увѣдомить гг. артистовъ, содержателей музыкальных магазиновъ и издателей потѣ, что онъ пріобрѣлъ покупкою право собственности на изданіе и продажу во всей Россійской Имперіи нижеслѣдующія сочиненія:

MEYER, L. Nocturne romantique, op. 140.

Его же. Air Turque favorit du Sultan.

Его же. Marche d'Isly à 4 mains.

RICCI. Tarantelle, для хора и танцевъ, исполненная на Большомъ Театрѣ во время представленія оперы: «Цыганка» М. В. Бальфа и имѣвшая огромный успѣхъ.

ПАУФЛЕРЪ, К. Серенада «Зоветъ меня жепихъ прекрасный», слова Нащокина.

ВІЛЬБОА, К. Старый капраль, слова Курочкина.

ШУЛЬЦЪ, А. Польша-каприсъ.

МАВРОДИ, К. Французская кадрили изъ оперы «Цыганка» М. Бальфа.

POIREAUX, A. Six Etudes de Genre.

ГЛИНКА, М. П. Воспоминаніе. Дуэтино.

PETROFF, K. Bouquet de mélodies de l'opéra: La Bohémienne de Balfe à 2 mains.

ДАРГОМЫЖСКІЙ, А. Дуэтъ изъ оперы: Эсмеральда. Въ страданьи горестномъ.

Всѣ вышеозначенныя сочиненія въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати. Перепечатки, арражировки и передѣлки вышепоименованныхъ сочиненій Ф. Стелловскій будетъ преслѣдовать на основаніи законовъ.